

«Я просто хотел перевести рассказик»

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2504>

🎙 14 апреля 2022

Собеседник

Гольшев Виктор Петрович

Ведущий

Светова Зоя Феликсовна

Дата записи

Беседа записана 14 апреля 2022 и опубликована 26 июля 2022.

Введение

Благодаря Виктору Гольшеву на русском языке заговорили герои книг Джорджа Оруэлла, Уильяма Фолкнера, Торнтон Уайлдера, Кена Кизи и многих других. Между тем переводчиком он стал едва ли не случайно: будучи физиком по профессии начал заниматься тем, что ему было по-настоящему интересно. В этой беседе Гольшев рассказывает о том, как выбирал книги для перевода, как их печатали в советское и позднесоветское время, описывает атмосферу 1960-х — 1970-х годов в Тарусе, вспоминает общение с Иосифом Бродским и говорит о своем мировоззрении в целом.

Зоя Феликсовна Светова: Скажите вот просто, как вот, они были откуда? Папа, если он был такой, что он всю жизнь работал, из простых, что ли, совсем людей?

Виктор Петрович Голышев: Из простых, да. Дед, который рано исчез, он был типа каменщик и печник, но он довольно быстро исчез, бабка воспитывала всех троих сама. И сначала там отец их подкармливал, потом дядя Боря, следующий брат, был портной, он их... Отец в это время учился чему-то, но он МАИ не кончил, он ушел из МАИ, потому что чертить невозможно было. Это у меня наследственное, но я не попал в такой институт, где надо было чертить, а он ушел из-за этого, не из-за тупости своей.

З. С.: А они москвичи, да?

В. Г.: Да, бабка москвичка была. А материны родители были революционеры просто.

З. С.: Революционеры?

В. Г.: Да. Значит, отец большевик был, а мать меньшевичка, поэтому... Где-то даже написано, в чьих-то мемуарах, что он с ней не хотел на одной кровати спать (*усмехается*), у них там идейные разногласия были. Он довольно рано закончил с активной деятельностью этой большевистской, он был при Красине человек и техническим каким-то секретарем парторганизации в Питере, ну, до революции все, да. А в 905-м он как-то немножко... и Красин отошел от этого. И потом он работал там... в Париже, работал в торгпредстве, ну, нормально всё. А бабка, по-моему... я не знаю, работала она или нет, но она была врач тоже.

З. С.: Понятно. А как мама с папой смогли встретиться? Он такой, получается, разночинец, а она революционерка?

В. Г.: Он не разночинец был. Он человек был очень активный, деятельный... В проезде МХАТа строился дом писательский, и он был начальник кооператива этого строительства. А материн отец получил там квартиру, потом в ней Асеев жил, на седьмом этаже. Вот там они, наверное, и познакомились. А отец еще вел политинформацию там. Ну, молодой, хорошенький был, ну, мамаша запала на него.

З. С.: Понятно. А почему они все-таки так быстро разошлись, вы говорите?

В. Г.: Ну, во-первых, это, значит... Ну, наверное, разные профессии. У нее литинститутская компания была, у папаши — нет. Я никогда не расспрашивал их. Ясно, что, наверное, немножко интересы...

З. С.: Понятно. А как получилось... Вы говорите, в эвакуации... С кем вы поехали в эвакуацию?

В. Г.: С матерью.

З. С.: Да, а куда?

В. Г.: В Челябинск.

З. С.: И сколько вы там были?

В. Г.: А я не помню.

З. С.: Маленький совсем.

В. Г.: Нет, не маленький, значит, мне года четыре было и... мы неделю ехали.

(Перерыв в записи.)

З. С.: Мы пересели, правда, потому что удобней на стуле, а то скрипело.

Хорошо, я поняла, что вы были в Челябинске, потом вернулись, но правда, что вы потом вы жили у отца, когда они с мамой разошлись?

В. Г.: Да, я был с отцом и с бабкой, с его матерью.

З. С.: А до какого времени? Сколько лет?

В. Г.: Пока отец не помер. И потом уже, без него тоже. Он же в каком-то году женился, примерно году в 57-м...

З. С.: То есть вам было сколько лет, получается?

В. Г.: Мне? Двадцать.

З. С.: А, то есть вы жили у отца.

В. Г.: Да, я жил с отцом и с мачехой, с мачехой я прожил двадцать пять лет. Когда отец умер, она с нами продолжала жить. Она была одинокая женщина, отсидевшая...

З. С.: Понятно.

В. Г.: ...поскольку ее муж, предыдущий, был там... он был нашим разведчиком и был он венгерец, мадьяр. Который попал в плен, в Первую мировую войну, он был капелланом в их армии, а потом, ну, как бы стал красным, коммунистом стал, только не хотел раскулачиванием заниматься и стал разведчиком нашим. И он этих пас... пятерку кембриджскую, где там Филби был, Берджес, Маклейн...

З. С.: А-а-а...

В. Г.: Над ним был начальник, но технической работой занимался он. Потом его вызвали сюда и расстреляли.

З. С.: Расстреляли?

В. Г.: Ну, расстреляли, как всех расстреливали...

З. С.: А ее посадили?

В. Г.: ...в 37-м году. А ее посадили, да, она пять лет просидела, потом была... не могла в крупных городах жить. Ну, она там поездила: в Крым, в Эстонии работала...

З. С.: И потом она познакомилась с вашим отцом и поженились?

В. Г.: Да.

З. С.: И жили они в Москве?

В. Г.: Они жили в Москве.

З. С.: Когда у нее кончился вот этот срок, что она не могла жить...

В. Г.: Нет, она получила... Ей даже комнату дали в коммуналке, так что... Она реабилитированная была потому что... и она, и ее сестра, которая тоже была замужем за разведчиком...

З. С.: Тоже за разведчиком?

В. Г.: ...и обоих их расстреляли...

З. С.: Так они рассказывали?..

В. Г.: Нет.

З. С.: Она никогда не рассказывала про своего мужа, который руководил этими... Филби... и вот... Маклейном?

В. Г.: Нет. Ну, он не руководил, я думаю, он посредник был.

З. С.: Ну, который работал все-таки в той же среде. Она не рассказывала все эти истории?

В. Г.: Ничего не рассказывали.

Студенческие годы. Решение стать переводчиком

З. С.: Понятно. Мика, а расскажите, как вы стали... Вы пошли в МГУ на филфак, да, где вы учились?

В. Г.: Нет, я учился в Физико-техническом институте.

З. С.: А, вы же не сразу стали переводчиком, вы же пошли на физико-технический. А это кто?.. Кем вы должны были быть?

В. Г.: Физиком.

З. С.: Физиком?

В. Г.: Да, инженером-физиком — такая у меня... диплом такой.

З. С.: А вы закончили его?

В. Г.: Закончил. С тоской.

З. С.: А почему не пошли работать в физику?

В. Г.: Нет, я пошел, я отработал там почти три года, как положено было. Просто я считал, что эта работа бесперспективная в смысле науки, ну, с одной стороны, а с другой стороны, мне больше одному нравится работать, чем в компании, в лаборатории.



Что надо было сделать, я сделал за эти три года, а дальше мне... начальник собрал нас и сказал: «А что вы будете в следующий раз делать?» Я сказал: «А я уйду».

З. С.: И вы ушли? (Смеется.)

В. Г.: Ушел.

З. С.: А вы просто очень хорошо знали английский? Почему вы решили стать переводчиком? Как это вообще получилось?

В. Г.: Нет, когда... там в один год у меня отпуск был, я там чего-то подхалтуривал, какие-то технические тексты переводил, а потом просто стал... Какой-то один рассказик перевел, другой рассказик, мне никто ничего...



Виктор Голышев, 1960-е гг. Из личного архива Виктора Голышева. Источник: novayagazeta.ru

З. С.: Я не пойму, откуда вы знали английский? В школе выучили его или как?

В. Г.: Нет, не в школе выучил. Во-первых, там с пятого класса учительница ходила к нам, мать нанимала учительницу, Елизавету Юрьевну Шустер, раз в неделю ходила учительница, до девятого класса, уже в десятом некогда было. Это раз. Она, по-моему, тоже в Институте внешней торговли работала, но муж у нее был адвокат по авторскому праву. Его посадили, ее выгнали с работы, она была без средств к существованию. Мамаша ее нанимала. Тогда это небольшие деньги тогда были очень.

З. С.: То есть получается, что вы жили с отцом и с мачехой, а мама все равно...

В. Г.: А мы жили в одном доме, только в соседних подъездах.

З. С. (*смеется*): То есть она принимала участие в вашем воспитании. Они между собой ладили, да, и мачеха, и отец, и всё?..

В. Г.: Ладили настолько, что они дом напополам построили в Тарусе.

О доме в Тарусе

В. Г.: Этот дом из двух половин: одна половина — материна и Оттена, а другая — отцовская.

З. С.: А-а-а, я это не знала, потому что часто говорили: «Это наша... эта половина Оттенов, эта половина — не Оттенов...»

В. Г.: Голышевых, да.

Это нормальная пятистенка, изба.

З. С.: А-а-а! Потому что я не понимала, я думала, что Голышевы, значит, одна половина Елены Голышевой, а другая Николая Оттена.

В. Г.: Нет-нет. Другая — Петра Ивановича Голышева.

З. С.: Всё, я поняла теперь, всё сошлось, пазл сложился.

В. Г.: Да, это очень смешно, потому что, я помню, я еще мальчиком был, в школе, и отец повез меня куда-то в Снегири смотреть участок. А он заведовал... Он был начальник главка капитального строительства. Капитальное строительство — это не дома строили, а заводы, автомобильный и тракторный. И он не успел съездить посмотреть участок, как на него накатали донос, что он уже из ворованных материалов, поскольку он строитель, строит себе дом. Поэтому он завязал с этой идеей и стал дом строить, только когда ушел на пенсию. А на пенсию он ушел рано, в пятьдесят семь лет, после инфаркта, он стал инвалидом.

З. С.: Так этот дом, который в Тарусе, знаменитый тарусский дом, это он практически, получается, построил?

В. Г.: Ну, они пополам с Оттеном строили, в смысле денег.

З. С.: Да, но в смысле денег, а в смысле проекта?.. Он придумал проект или нет?

В. Г.: Проект не надо придумывать. Это обычная пятистенка стоит. Это сейчас такие шикарные дома строят, а этот был довольно элементарный, но с одной ошибкой: там подвалы были, в которых вы бывали у меня...

З. С.: Да-да-да.

В. Г.: ...от них сырость.

З. С.: А нужно было одноэтажный, да?

В. Г.: Он одноэтажный, но там...

З. С.: Подвал.

В. Г.: ...полуподвал был, полуподвал.

З. С.: Ну, просто он мне казался какой-то огромный, именно потому что это две половины, наверное.

В. Г.: Две половины. Он так примерно... как барак — такого вида.

З. С.: Да. А откуда у них была такая потрясающая мебель? Я помню вот эту старинную мебель, во всяком случае, на половине... я не была, наверное, на половине Голышевых, мне кажется, только на половине Оттенев, я помню вот эти прекрасные кресла.

В. Г.: Вот это кресло вы помните. *(Указывает.)*

З. С.: Нет, другие.

В. Г.: Это папаша с матерью купили, когда они поженились только, в какой-то комиссионке.

З. С.: Нет, я помню кресла, на которых вот такие как бы ручки... вот когда мама ваша сидела в кресле, как будто львы какие-то были или... Знаете, бывают такие кресла старинные, такие...

В. Г.: Завитушки такие?

З. С.: Да, какие-то очень красивые... Они просто очень любили... и буфеты какие-то были, шкафы...

В. Г.: Это Оттен любил и, по-моему, покупалось отчасти в Питере, потому что там много барахла выбрасывали.

З. С.: Секретеры, я помню, какие-то потрясающие.

В. Г.: Да. У нас-то ничего этого не было, на моей половине.

З. С.: А, это на их половине. Понятно. А расскажите про Оттенев. Ну, мама была известный переводчик, это понятно. А Оттен?

В. Г.: Она сперва была студенткой Литинститута, но диплом не защитила. У нее все пятерки были, но не защитила, потому что началась война... Хотя она отучилась все эти пять лет. А Оттен... Он учился в Политехническом, он пробовал учиться в Консерватории. Я не знаю, выучился где-нибудь или нет. Но он был журналистом и кинокритиком. Кинокритиком был, потом он попал, в 49-м году, в космополиты и... и там уже...

З. С.: Ему запретили печататься.

В. Г.: Нет, это не запрещали, это просто... Его не запретили, его просто не печатали.

З. С.: Из-за того, что его признали космополитом и поэтому его не печатали...

В. Г.: Ну, это была такая кампания в 49-м году, было там несколько космополитов — театральных критиков, несколько — киношных критиков, по каждой отрасли были свои космополиты. Даже, по-моему, среди прозаиков были космополиты.

З. С.: Мик, а я вот не пойму, вы жили всегда в Тарусе или у вас была квартира в Москве?

В. Г.: Нет, у нас квартира в Москве была.

З. С.: То есть вы только на лето приезжали в Тарусу?

В. Г.: Нет, ну когда я работал, то я приезжал только на месяц, а отец уже был на пенсии, и они там все лето жили. Зимой он еще устраивался, шел на работу, но не на такую, нервотрепную, а на более скромную, но в том же... ну, это был тогда совнархоз, что ли, уже.

Начало переводческой работы

З. С.: А вот чтобы переводить книги, вы не получали никакого особого образования? То есть вы бросили физический, научно-исследовательский, как я понимаю, институт, и просто решили, что вы будете переводить, что это будет профессия. Как это...

В. Г.: Нет, я не решил, что это будет профессия...

З. С.: А как тогда?

В. Г.: ...я просто хотел перевести рассказик — перевел, потом перевел другой, а потом решил, когда я свои эти три года отработал, что я уйду.

З. С.: И что? И мама вам посоветовала...

В. Г.: У меня было там... триста рублей осталось на книжке или триста пятьдесят, я не помню...

З. С.: И что?

В. Г.: Ну вот, несколько месяцев мы с женой прожили в Тарусе, потом деньги кончились — пришлось опять идти работать.

З. С.: Кем?

В. Г.: Я преподавать... я хотел поступить сперва учителем физики в школу — не взяли, потому что у меня не было педагогического образования, хотя образование было гораздо более суровое, не взяли в техникум, а потом приятель мне посоветовал, ну, нашел знакомых, в Институт стали я поступил тоже преподавать электронику.

З. С.: Но... Мне хочется понять, а когда вы стали вот...

В. Г.: А я всё помаленьку переводил.

З. С.: Помаленьку переводил...

В. Г.: Да.

З. С.: Но то, что вы переводили, всё печатали?

В. Г.: Рано или поздно да.

З. С.: А это мама помогала, потому что она переводчик, или просто...

В. Г.: Нет-нет, она ничего не помогала. Она жила в Тарусе и то, что она переводила... Они с Изаковым пополам переводили, Борисом Романовичем Изаковым, всеми этими делами наружными, занимался он, переводили они пополам, потом друг другу... Они сидели вместе, читали и редактировали. Нет, она... как... Она читала мои первые переводы первых рассказиков.

З. С.: И что сказала? Рассказы... И что сказала?

В. Г.: Ну, ничего, правила. Нормально. Нет, ну... довольна была.

З. С.: Я посмотрела вот ваши переводы... сколько вы всего напереводили....

В. Г.: Так долгое время же.

О Тарусе и разговорах

З. С.: Долгое время? Ну хорошо, к переводам мы вернемся. А я хотела еще про этот дом в Тарусе, потому что... вся ваша сознательная жизнь, получается, там прошла вся.

В. Г.: Ну, не вся, но большая часть, да.

З. С.: Большая часть. И этот город, эта Таруса...

В. Г.: И я там больше народу знал, чем в Москве, у меня приятелей больше было.

З. С.: Потому что Таруса (это же надо понять) — это был город, это был сто первый километр, и там было очень много людей, которые не могли жить в Москве.

В. Г.: Это потом, да, а сначала этого не было там.

З. С.: А сначала кто там жил? Почему там было так много знаменитых людей?

В. Г.: Я не знаю, какой-то модный... бывают такие модные места, и туда приезжали писатели, художники... Нет, у художников там старые дома были еще... я точно знаю, что довольно давно там они обосновались, художники. А писатели, например... в 60-е годы, 70-е годы как-то... или я отовсюду отошел и только сидел переводил, мне казалось, что мода прошла на Тарусу. Сейчас опять большая мода.



Но сейчас туда едут большие люди... богатые люди, они строят богатые дома. Я помню, с какими трудами мы нашу избу там делали. Но сейчас, наверное, гораздо больше возможностей.

З. С.: Получается, что 60-е — 70-е годы этот ваш дом Оттенев, он известен, во многих мемуарах описан.

В. Г.: Да.

З. С.: А просто... а родители были такие открытые, любили гостей...

В. Г.: Да.

З. С.: Это больше Николай Оттен больше любил?

В. Г.: Да нет, мамаша тоже, нормально...

З. С.: А вы помните вот разговоры... Вот сидели за стол. Кто все это готовил? Это мама с папой... это мама...

В. Г.: Ну, когда гости приходили, то мать макароны варила на всех — и всё. *(Усмехается.)*

З. С.: Да?

В. Г.: Да. Никакой там...

З. С.: Ну, о чем говорили, что было...

В. Г.: А черт знает, просто про литературу, я не помню, я-то не очень там сидел, у меня другие дела были.

З. С.: А какие?

В. Г.: Ну, там, или я сидел переводил или на пляж ходил...

З. С.: На пляж?

В. Г.: ...или на лодке ездил.

З. С.: Понятно. А кто там из диссидентов был? Это же были... Вот когда там... по-моему, Марченко там в то время жил. Вы его знали, Анатолия Марченко?

В. Г.: Ну, я его видел, я его видел и почему-то даже у нас под террасой какие-то мешки с цементом были его, он что-то хотел строить. Потом его дом сломали, когда его арестовали, его дом сломали. Но я с ним не общался, нет. Алика Гинзбурга я знал там, но мы тоже не были друзьями.

З. С.: А с кем вы, в основном, общались? Бродский тоже туда каким-то образом попал...

В. Г.: Не-не-не, Бродский попал поздно. Это был какой год?.. Я забыл уже, ну, 64-й, что ли.



В квартире у Виктора Гольшера и его жены Наталии Сухаревич. Зима 1972 г. Слева направо: Андрей Сергеев, Иосиф Бродский, Лидия Малли, Наталия Сухаревич, Маша Слоним.
Из личного архива Виктора Гольшера. Источник: jenua444.livejournal.com

З. С.: Ну, это перед его арестом?

В. Г.: Перед арестом. Он там был три недели. Мы просто познакомились. Его потом сослали, но я в ссылку не ездил, у меня мало денег было. Да и, может, и так бы не сообразил.

А как деньги кончились, мне пришлось опять работать. Вот в это время, когда я с работы ушел, он там и жил.

З. С.: А вы с ним подружились почему? Что у вас было общего?

В. Г.: Да ничего, как-то понятно, кто чего говорит, сразу, с первого слова. Ну, потому что мы как бы одно поколение.

З. С.: Но не то, что... Это вас никак не смущало, что он там какой-то поэт... Или это потом уже он стал такой гениальный поэт? А раньше просто Бродский и Бродский.

В. Г.: Нет, но он знаменитость тогда была неофициальная.

”

Ну, я помню, что он там прочел эту «Большую элегию Джону Донну». Я сказал: «Мне не понравилось».

З. С.: Не понравилось?

В. Г.: Ага. Он с большим напором читал. Тогда у меня еще жил, там... мы с женой в одной комнате жили, мой приятель Володя Аниканов, тоже писатель он был, в другой комнате жил, вот, а Бродский нам прочел этот стишок, значит, длинный. Но он совершенно... никак на меня это не подействовало.



Иосиф Бродский и Маша Слоним в квартире у Виктора Гольшера и его жены Наталии Сухаревич. Зима 1972 г. Из личного архива Виктора Гольшера. Источник: jenua444.livejournal.com

З. С.: Понятно.

В. Г.: Он не обиделся, ничего.

З. С.: А скажите...

В. Г.: Я бы сейчас никогда не сказал так, чуть промолчал бы, а тогда... ну, не знаю, это какая-то...

З. С.: Вы говорили правду, то, что думали, то и говорили.

В. Г.: Да, но это не обязательно надо делать, на самом деле. *(Усмехается.)*

З. С.: Ну это да, это потом понимаешь.

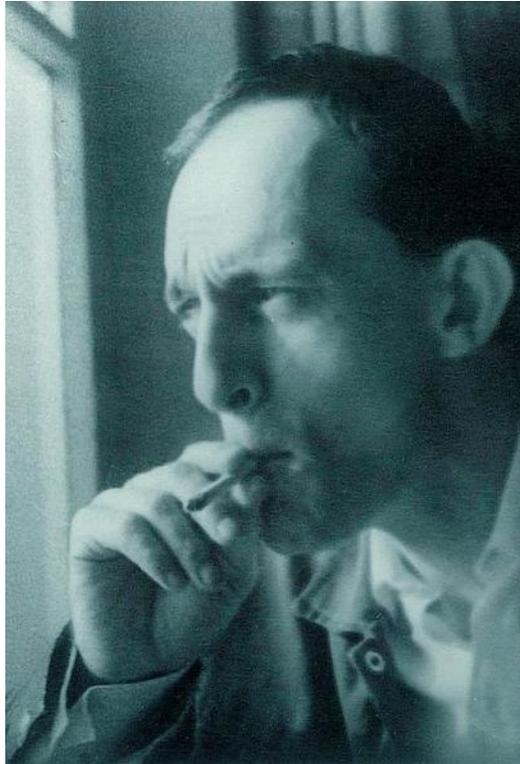
В. Г.: Да.

З. С.: Когда молодой, то это как бы не понимаешь.

В. Г.: Но его это не смутило.

З. С.: И не обиделся?

В. Г.: И не обиделся да, ничего, наоборот, мы вроде приятелями стали.



Виктор Голышев. Фото Иосифа Бродского. Из личного архива Виктора Голышева

З. С.: А вот это... то, что там собиралось такое общество диссидентское, это никак...

В. Г.: Там не диссидентское общество, это скорее там литераторы собирались, они там... Художники нет.

З. С.: В основном литераторы?

В. Г.: В основном, какие-то люди, имеющие какое-то отношение к литературе. Нет, диссиденты там... потом постепенно стали... это позднее началось, они стали появляться там.

З. С.: Понятно.

В. Г.: И очень там... наша половина пустовала зимой, и там кто-то жил обычно, то Балтер, по-моему, один сезон прожил зимний...

З. С.: Борис Балтер, это который «До свидания, мальчики»?

В. Г.: Да. Надежда Яковлевна Мандельштам там жила одну или две зимы.



В квартире у Виктора Гольшева и его жены Наталии Сухаревич. Зима 1972 г. Слева направо: Андрей Сергеев, Виктор Гольшев, Лидия Малли, Наталия Сухаревич, Маша Слоним.
Из личного архива Виктора Гольшева. Источник: jenya444.livejournal.com

З. С.: Да?

В. Г.: Да, пока к тете Поле не переехала, тоже в Тарусе, ну, потому что ей приходилось там летом съезжать из-за того, что хозяева были, а нас довольно много было, потому что там была мачеха, иногда приезжала ее сестра, папаша, я, даже я на террасе спал какие-то...

З. С. Ну, а Надежда Яковлевна, она жила на вашей половине, на голышевской?

В. Г.: На нашей. На нашей. Там по очереди кто-то жил. Жил сосед, ну, я не помню, одну зиму или две зимы... одну зиму, который рядом строился, но у них была времянка, у него дети родились. Потом Толя Футман жил.

З. С.: А вот Толя Футман, расскажите про него. Я помню, что он какой-то замечательный, все говорили, но он же был просто уголовник, а почему его все так любили?

В. Г.: Я не знаю, любили?.. Он суровый человек был, на самом деле.

” Ну, он зарезал человека, который убил его отца, и получил сперва вышку, потом оказалось, что ему семнадцать лет...

Ну, видимо, он уже такой был... крутой, до этого, если мог зарезать на площади там, перед кинотеатром...

З. С.: Зарезал потому, что тот убил его отца?

В. Г.: То убил его отца, да.

З. С.: Этот такой фолкнеровский сюжет, на самом деле.

В. Г.: Да. Папаша хотел его уехать в Германию, по-моему. Его скинули с каких-то мостков там. А Футман его зарезал на площади и получил вышку, а потом, поскольку ему семнадцать лет, ее заменили на десять лет. И он бежал еще раза три, по-моему, из лагеря, и поэтому он отсидел семнадцать лет.

З. С.: А почему в Тарусе оказался?

В. Г.: В Тарусе оказался очень просто. Он был женат на Мирре, а Мирра была сестрой жены Самойлова, Дезика...

З. С.: Дезика Самойлова.

В. Г.: Ну, Самойлов, грубо говоря, сказал, чтобы он поехал в Тарусу, что там можно устроиться.

З. С.: Самойлов в Тарусе не жил?

В. Г.: Нет, не жил, я его вообще один раз только видел, тоже в Тарусе, он у них там сидел в гостях.

З. С.: А вы помните... Вот я помню 68-й год, когда вошли танки в Чехословакию, я помню, мы сидим как раз на... то, что называется пляж, но это не пляж, на каком-то таком... на каком-то таком... как сказать, на каком-то таком как бы пригорке, что ли, и там делали шашлык, там Корнилов, Войнович, мои родители, Светов и Крахмальникова, и там они слушают вот эти «голоса». Именно вот эту картинку я помню. А вы помните, вы были в это время там или нет?

В. Г.: Нет, в этой компании не был.

З. С.: Не в компании, а вообще, вот когда 68-й год?

В. Г.: Ну да, в Тарусе был, да.

З. С.: И тоже слушали «голоса»?

В. Г.: Нет, я не слушал радио. Потом, когда я радио слушал... Ну, я его слушал, когда был молодой, потом я перестал вообще слушать радио. Я по-английски слушал «Би-би-си», пока в школе учился, приходил со школы... придешь, послушаешь.

О работе переводчика в советское время

З. С.: А вот если вернуться к переводам, расскажите... Мне просто всегда интересно, как в Советском Союзе можно было переводить вот этих всех замечательных авторов? Они разве были не запрещены? Ну, я не знаю, там...

В. Г.: Нет, ну, Оруэлл, естественно... недостижаем...

З. С.: Нет, Оруэлл, да, до Оруэлла мы дойдем, а вот, например, этот... кто там... кого вы переводили... Тортон Уайлдера...

В. Г.: Уайлдера, да.

З. С.: Потом... Если пойти по хронологии, у вас сначала Фолкнер, да, был, нет?

В. Г.: Нет, Уоррен.

З. С.: Ну, Уоррен, да. Уоррен — это который... знаменитая эта «Вся королевская рать», да? А это же... она же, когда вышла, эта книга стала бестселлером.

В. Г.: Да.

З. С.: И потом у вас пошло? Вам стали уже заказывать

В. Г.: Ни черта мне не заказывали! При советской власти я сам переводил.

З. С.: А как вы выбирали, где вы находили эти книжки?

В. Г.: Очень случайно.

З. С.: А как?

В. Г.: Ну, какой-то... иногда мать приносила из Библиотеки иностранной литературы, потом я тоже туда записался. Там Фолкнера увидел у приятеля на полке, у Димы Шестакова, попросил прочесть.

З. С.: И что?

В. Г.: Потом решил перевести.

З. С.: А какая была первая Фолкнера книга, которую вы перевели?

В. Г.: «Свет в августе».

З. С.: «Свет в августе». Это тоже я очень ее люблю.

В. Г.: Да я всего две и перевел, и рассказы какие-то.

З. С.: Вы всего Фолкнера перевели?

В. Г.: Нет. Два романа всего..

З. С.: А «Шум и ярость» — это не вы переводили?

В. Г.: Нет. Сорока переводил, он десять лет не мог напечатать его.

З. С.: А как вот вы... Просто хочется понять, вот вы переводите «Свет в августе», нашли на полке у друга, и дальше, вы когда перевели... сколько времени вы этот роман переводите? Примерно?

В. Г.: Ну, примерно... почти два года.

З. С.: Два года. А в это время что вы едите?

В. Г.: А-а-а, вот этот вопрос стоит... Значит, когда в Институте стали преподавал... Первый раз, значит, у меня там было триста пятьдесят рублей, на книжке, на нашей общей с отцом, это мой гонорар был за что-то.

” Я решил, что вот... когда я преподавал в Институте стали, я решил: как у меня тысяча рублей будет, так я уйду с работы. У меня получилось больше там, тысяча сто. Я ушел с работы и стал переводить.

З. С.: Ну хорошо, ну, перевели вы, два года вы переводили «Свет в августе», и куда вы его понесли? Не помните, где...

В. Г.: А я стал договариваться с «Новым миром».

З. С.: С «Новым миром». И что? А тогда кто был главный редактор?

В. Г.: А я не помню.

З. С.: Не помните? Ну, неважно. Ну, хорошо...

В. Г.: Не помню, кто, забыл. Может, Залыгин был, а может, нет.

З. С.: Нет, нет, это же было давно, Залыгин...

В. Г.: Нет, это когда «Королевская рать» была, был... кто там? Твардовский был.

З. С.: Да, Твардовский...

В. Г.: Я... а уже печаталась «Королевская рать»... а он же мне...

” Я встретился с ним в коридоре, но мы разошлись просто. «О, молодой совсем!». Я говорю: «Мне тридцать три года». Он говорит: «Возраст Христа». Вот и вся наша беседа (усмехается) с Твардовским.

З. С.: Понятно. То есть это «Новый мир» печатал эти книги?

В. Г.: «Новый мир», в основном, да, Тамара Беспалова работала. А до этого Архангельская работала, Елена Павловна.

З. С.: А! Это она пробивала?

В. Г.: «Вся королевская рать»... Ничего не пробивали, ничего не пробивали.

З. С.: А как? Просто приносили?

В. Г.: Ну, вот как происходит? Я говорю: «Давайте я вам переведу эту...»

З. С.: А они?

В. Г.: Когда уже ездил... ну... Там в издательстве я проработал пять месяцев... А Надежда Яковлевна мне несколько книг подарила, английских, и среди них «Королевскую рать». Вот я ездил на работу и в трамвае читал ее. А потом думаю: «Надо перевести». А тогда предложил «Новому миру», они сказали: «Ну, переведите лист».

З. С.: Чтобы посмотреть?

В. Г.: Да.

З. С.: И что они сказали?

В. Г.: «Переведите пять листов». (Смеются.) А там всего тридцать. Я перевел.

З. С.: То есть это все было бесплатно?

В. Г.: Потом мне сказали: «Переведите десять». Это они все не могли решиться, потому что... Ну кто такой Уоррен? Никто ничего не знает. Перевел десять. После этого все-таки они заключили со мной договор. У меня уже треть книжки переведено было, и деньги кончились уже, деньги кончились, тысяча сто рублей кончилась уже и пришлось у мамыной подружки занимать.

З. С.: То есть вы не думали вообще о деньгах, когда переводили?

В. Г.: Как не думал! Только о них и думал. (Смеются.)

З. С.: Но они сколько платили вот за такую книгу вообще?

В. Г.: Платили тогда хорошо, потому что... Примерно там, если... Ну, примерно, в общем, как зарплатакакая-то инженерская была, пока ее еще не стали переиздавать. Так что платили нормально. Важно было, чтоб ее напечатали.

З. С.: Понятно. А были книги, которые вы перевели, а они не стали печатать? Или потом издали, через время? Были такие?

В. Г.: Ну, были, да, одна книжка семь лет пролежала.

З. С.: А какая, не помните?

В. Г.: Это Натанаэла Веста, называлась «День саранчи»... И «Подруга скорбящих», два романа маленьких.

З. С.: А почему они не нравились, слишком сложные? Что говорили?

В. Г.: А это было издательство «Молодая гвардия». Они нашли несколько мест там... Там в одном месте говорится: «Проституция — прибыльное дело». Они хотели, чтобы я убрал эту фразу.

З. С.: Про проституцию?

В. Г.: Да, что это прибыльное дело.

З. С.: А! А вы не хотели?

В. Г.: Таких фраз пять было. Они хотели выбросить.

З. С.: А вы хотели сохранить?

В. Г.: А я сказал: «Он помер, этот Натанаэл Вест. Я не буду ничего менять без его разрешения». И они зарубили книжку. Она уже была в виде сверки, не верстки, а позже уже, чистые листы почти.

З. С.: Проституцию нельзя было упоминать.

В. Г.: Ну, там, это какая-то младшая редакторша стукнула, «притом он еврей». А там такое издательство было, которое евреям не любило, в общем, им надо было придаться к этой редакции, которую они не любили, начальству. Так все одно сошлось. Тамара Беспалова ушла после этого из издательства и поступила в «Новый мир».

З. С.: Понятно, то есть это такие интриги.

В. Г.: Не интриги, а просто там какая-то борьба с этой... с западными нехорошими влияниями...

З. С.: Ну понятно.

В. Г.: Ну, через семь лет ее издали потом.

З. С.: А вот интересно, а вот вы издавали этих всех писателей: Уоррена, Фолкнера, Уайлдера. Капоте или Капóте...

В. Г.: Капóте.

З. С.: ...Капóте, да. А вы с ними как-то списывались, вы как-то с ними, может, по телефону говорили? Тогда это было невозможно, да?

В. Г.: Нет, наверное, возможно. Мне в голову даже не приходило.

З. С.: Вам было не нужно?

В. Г.: Ну, спросить, что эта фраза означает?

З. С.: Да.

В. Г.: Ну, я как-то догадывался сам.

З. С. (*смеется*): А с мамой не советовались?

В. Г.: Ну как не советовался? Она читала за мной.

З. С.: Она помогала?

В. Г.: Вот «Королевскую рать» я давал ей, но уже очень мало правки было. Потом я тоже ее также читал, когда она...

З. С.: Когда она переводила... А у вас не было конкуренции? Потому что она переводчик с английского, вы переводчик... не было, ну, какой-то конкуренции?

В. Г.: До фиги переводчиков с английского было.

З. С.: Ну, все равно.

В. Г.: Нет, нет, у них свой бизнес был с Изаковым, они очень Грина много переводили. Вот это я до сих пор жалею, что мне не досталось.

З. С.: Кого кого?

В. Г.: Грэхема Грина.

З. С.: А! Грэма Грина. Ну да, я поняла. А что значит «не досталось»? Они как бы захватили, сказали: «Это мы будем...»?

В. Г.: Нет, не они, просто все было переведено, когда...

З. С.: А, понятно!

В. Г.: Пока я не переводил, я не лез в это дело. Нет, но они не одни же переводили, и другие люди переводили Грина. Оказалось, что у него все романы почти переведены. А я какую-то повестушку только один раз потом перевел и очень жалел, потому что там есть фокус какой-то, он настроение создает неизвестно из чего, сразу. Каким способом, я так и не понял, хотя переводил его, и пьесу переводил.

З. С.: Ну да, он загадочный какой-то такой.

В. Г.: Ну, что-то там... фокус какой-то есть. Такой как бы усталости, некоторой грусти, атмосфера такая в романе, да, хотя сюжеты могут быть вполне яркие.

З. С.: Это как «Министерство правды», да, вот эти книги? «Наш человек в Гаване»?

В. Г.: «Министерство страха».

З. С.: «Министерство страха», да.

В. Г.: «Наш человек в Гаване» как раз развлекательная. Есть какие-то романы... Он делил их на развлекательные и нормальные. Вот «Наш в Гаване» вроде считался развлекательным.

Об особенностях своей работы

З. С.: А вы вот... Вы же не только, я посмотрела, вы не только переводили книги, а вы еще писали к некоторым книгам какие-то... предисловия, или послесловия, то есть, получается, не просто переводчик, а еще и литературовед, потому что...

В. Г.: Нет, нет...

З. С.: Нет, не было такого?

В. Г.: Нет, ну, конечно, писал какие-то послесловия. Предисловия никогда не писал.

З. С.: А послесловия?

В. Г.: Там были для этого люди, которые официально...

З. С.: А зачем писали послесловия? Это к тем, которым... к любимым книгам, нет?

В. Г.: Ну, когда что-то переиздавали там Фолкнера, ну, я и написал несколько страничек. Это для меня очень тяжелое занятие, я так плохо соображаю на этот счет. Или, там, Хэммета детективы, когда были, то тоже я написал про него, тоже полторы-две страницы. Не знаю, так, попросили, наверное. Для меня это очень тяжелый бизнес.

З. С.: А вообще, кто из этих писателей ваш любимый? Если можно, я такой глупый журналистский вопрос задам. Такого нету?

В. Г.: Такого нету.



Пока ты его переводишь, он твой любимый и есть.

Но это к нынешнему времени не относится, потому что я сейчас уже не выбираю, что я... я могу только из предложений чужих выбирать.

З. С.: Нет, раньше вы же сами все выбирали?

В. Г. Сам выбирал. Выбирал, и пока ты это переводишь, вроде «Моста Людовика Святого», ты под этим очень сильным влиянием этого человека, у тебя мозги как-то поворачиваются по-другому. Это я очень хорошо помню, у тебя мозги поворачиваются в ту сторону, про которую они пишут.

З. С. То есть ты когда сидишь, переводишь... А сколько вы часов в день переводили?

В. Г.: Ну, пока был молодой, там, в Тарусе переводил... ну, я не знаю, часов восемь-десять, наверное. Во всяком случае, я помню, что там часа в два ночи я кончал и уже мутит, тошнило просто.

З. С.: Но вы переводили сразу на машинку, не от руки писали?

В. Г.: Я не умею на машинке печатать.

З. С.: Вы не умеете печатать на машинке?

В. Г.: Не-а.

З. С.: А у вас были машинистки всегда? Которые печатали за вами?

В. Г.: Да. Я ручкой писал.

З. С.: Вы рукой писали?

В. Г.: Ага.

З. С.: А как же? Со временем почерк так сильно портится, что невозможно различить.

В. Г.: У меня очень хороший почерк.

З. С.: Хороший почерк?

В. Г.: Ну, в школе мы учили всю жизнь. Хороший, аккуратный.

З. С.: И все машинистки понимали?

В. Г.: А у меня всего их было... три за всю жизнь.

З. С.: Три машинистки? Одни и те же?

В. Г.: И в основном, в последние годы там, не знаю, двадцать лет, двадцать пять Вера Лашкова.

З. С.: Вера Лашкова.

В. Г.: Да.

З. С.: Понятно. Она, кстати, тоже... Вера Лашкова, она и вас печатали, она мою маму печатала, «Надежду», вот эти все сборники христианского чтения — это она тоже печатала. Но она замечательная машинистка. А у моего папы была машинистка, которая сломала руку, она ногой как-то печатала. Я так даже не могу понять, как она это делала.

В. Г.: Ногой?

З. С.: Да, он рассказывал, что как-то ногой, не знаю. Ну, бог с ним. Смотрите, а вот я увидела, вернее, не увидела — я удивилась, когда прочла биографию вот в этой «Википедии», где список всех книг, что вы переводили Оруэлл «84 год». Это какой Оруэлл, тот самый, первый, который ходил в списках? Это какой год был?

В. Г.: Мой в списках перевод не ходил. Ходил в списках какой-то заграничный, по-моему, перевод, но я его не читал.

З. С.: Нет, а вот этот перевод... он же был первый... он вышел, да...

В. Г.: По-моему, кто-то еще в Риге еще перевел одновременно. И вышла это то ли в Молдавии книжка... Но я как-то за этим не следил.

З. С.: А как вы нашли английский текст, где нашли?

В. Г.: А я вот даже не помню, откуда он взялся, потрепанная книжка у меня была, кто-то, наверное, подарил, привез.

З. С.: Это было еще до перестройки же?

В. Г.: Перестройка, по-моему, была, я не помню, какой год это был. Нет, я как раз боялся, что пока будешь переводить, прикроется все.

З. С.: А почему?

В. Г.: Ну, отъедет назад, как всё, нормально. Я же помню, там как после хрущевских времен отъезжало назад, я был уверен, что тоже отъедет. Ну, и отъезжало, только попозже немножко.

З. С.: Но ваш Оруэлл, мне кажется, все равно это было, наверное, самое начало перестройки, ваш. Он где вышел?

В. Г.: А это очень странно. Я только начал переводить его, естественно, у меня никаких рекламных щитов нету, мне позвонил человек из издательства «Прогресс» или «Мир» и сказал: «Вот вы это переводите?» Я сказал: «Ага». Он говорит: «Ну, тогда, значит, у меня напечатайте, у нас». Я сказал: «Хорошо». Но вообще положено договор при этом давать. Но ни фига мне договора не дали. Я кончил книжку, отдал им, договора не дают.

З. С.: Почему?

В. Г.: А потому что сейчас изменится, его выгонят с работы — все просто.

З. С.: То есть он боялся.

В. Г.: Ну конечно боялся, да.

З. С.: То есть он и хотел и боялся одновременно.

В. Г.: В это время было такое издательство Семенова, Юлиана Семенова. Они мне тоже позвонили, сказали: «Давайте нам». А я чего? У меня договора нету — я им дал. Они напечатали пятьсот тысяч экземпляров сразу. А потом этот тоже напечатал.

З. С.: И этот напечатал?

В. Г.: И этот напечатал.

З. С.: И тоже дал денег?

В. Г.: Да.



Я очень разбогател. У меня было... сейчас... наверное, на восемь автомобилей, таких, «Жигулей». Я посчитал, на сколько автомобилей мне хватит.

З. С.: Такая сумма, которая стоила восемь автомобилей? Но у вас был автомобиль хоть один?

В. Г.: Нет, никогда не было, я не хотел, я даже учиться не захотел ездить, потому что я знал, что если я научусь ездить, то Оттен будет придумывать мне поручения: там поехать на край света, купить кило гвоздей там. У него хорошее воображение, я учился на его машине шофером. Нет, ездить научился, я так до Москвы доехал один или два раза, но права не стал получать. Да не нужно мне, и машины я не хотел никогда.

З. С.: А как же в Тарусу ездили?

В. Г.: На поезде и на автобусе, как все. А потом я в Америку уехал, вот когда эта книжка вышла.

З. С.: Какая книжка?

В. Г.: Ну вот «84-й».

О поездке в Америку

З. С.: А вы поехали в Америку зачем? Чтобы Бродского повидать?

В. Г.: Да нет, преподавать поехал. в Бостонский университет.

З. С.: Что вы преподавали?

В. Г.: Ну, ихнюю литературу как бы. Но иногда сравнительные были вещи какие-то, а вообще про их литературу. А там писательский такой тоже семинар у них был. Мой приятель его вел, а потом сказал: «Идите к нему», — а то бы никто не пришел. Там же они приходят на какие-то семинары по своему желанию. Ты хочешь изучать ботанику, ты хочешь изучать американскую литературу... Ну вот американской мы и занимались, в основном. Но не только американскую, что-то там Кафку проходили. И это были четыре месяца, семестр.

З. С.: И вы там четыре месяца жили, а где, в каком городе?

В. Г.: В Бостоне.

З. С.: Ах, в Бостоне. А Бродский тогда был там?

В. Г.: А Бродский был, да, мы виделись там несколько раз, то в Нью-Йорке виделись, то у него в Маунт-Холиоке, где он был...

З. С.: А вам нравилось в Америке жить или нет?

В. Г.: Очень. Очень. Очень, да.

З. С.: А почему вы там не остались, например?

В. Г.: Я не могу объяснить этого.

З. С.: Почему?

В. Г.: И мне студенты ужасно нравились, они взрослые были. Там старшему было, я не знаю, одному было тридцать три года, он типа мой приятель даже был, другому тридцать семь лет, там взрослые... и тетки были тоже, женщины, молодые, но взрослые. Не могу объяснить, почему.

З. С.: Ну подождите, вам сколько...

В. Г.: Меня звали потом раза два опять туда.

З. С.: А вам сколько было тогда лет, когда вы первый раз поехали в Америку? Примерно? Уже был Вася, да, конечно?

В. Г.: Когда я там преподавал, Вася был в аспирантуре, в Америке тоже. Но ему там не подошло.

З. С.: Вы уже один ездили? Или с Наташей?

В. Г.: Один.

З. С.: Но вы не захотели жить в этой... Вы хотели в России жить, да?

В. Г.: Вот почему-то у меня не было такой идеи даже там остаться, хотя мне очень там понравилось Я даже... Потом меня два раза приглашали, но я думал: у меня таких студентов уже не будет умных.

З. С.: Не ездили?

В. Г.: Нет, не ездил.

З. С.: То есть один раз съездили — и все?

В. Г.: Преподавать больше... Нет, еще потом ездил, но по каким-то... то на конференцию, по-моему, то еще куда-то... Но преподавать — нет. Ну, где-то выступать надо было там.

О работе и жизни в послесоветское время

З. С.: Мика, вот вы объясните все-таки, я хочу понять...

В. Г.: Вот, а когда приехал (я не договорил), эти деньги рухнули все, у меня денег не стало.

З. С.: Как рухнули? Они лежали на книжке?

В. Г.: Они на книжке, но у нас дефолт был.

З. С.: Это 98-й год, получается?

В. Г.: 98-й год. Нет, раньше, раньше.

З. С.: Нет, но дефолт был в 98-м, нет? Когда был дефолт?

В. Г.: Никто не помнит.

Е. Д.: Может, это не дефолт, а 92-й год был, когда всё?..

В. Г.: 92-й год. Я приехал — этих денег нету уже. И я очень хорошо помню, что я тогда и поступил работать, после этого вскоре, меня позвали в Литинститут преподавать. Да. А я помню, что я перевел книжку какую-то, маленькую, Трумена Капоте, что ли, и ровно половину гонорара мне надо было машинистке отдать. А обычно это десять процентов там от твоего гонорара.

З. С.: Понятно.

В. Г.: Так что это уже кранты было, все.

З. С.: Ну да, это, конечно, были 90-е годы, начало, когда вот это все... все обесценивалось...

В. Г.: Да.

З. С.: А скажите, Мика, так вот вы рассказываете про свою жизнь...

В. Г.: Я просто жене сказал, когда первый раз женился, я сказал: «Богатым я не буду никогда, учти». *(Усмехается.)*

З. С.: Но я не помню, Наташа же, она где, она на радио работала?

В. Г.: Она на радио работала.

З. С.: Да. И она, вот получается, зарабатывала больше, чем вы, я так понимаю.

В. Г.: Ну, это я не знаю. Я свою норму сдавал ей каждый месяц. А сколько она там зарабатывала...

З. С.: В смысле «норму»? Значит, в общий котел, в семейный?

В. Г.: Ну да. Ну, общий — не общий. Он состоял из двух людей.

З. С.: А я помню, что вы Наташу называли «старуха».

В. Г.: Да, мы все так обращались.

З. С.: Вообще, как бы обращение друг к другу: «старичок»... «старуха»...

В. Г.: Да, старик, старуха.

З. С.: Это Эдик Штейнберг, он тоже так говорил всегда. Вы же с Эдиком очень дружили.

В. Г.: Ну как дружили? Дружили-дружили, а потом он уехал в Париж, так что...

З. С.: Нет, ну это понятно. Тогда...

В. Г.: Нет, ну тогда все друг друга стариками называли.

З. С.: А были молодые и красивые.

В. Г.: Ну, кто красивый, а кто не очень. *(Смеется.)*

О своем мироощущении

З. С.: Да вы красивый. Мика, а скажите... Вот вас слушаешь и ощущение такое, что выкак-то вообще в жизни... вот как бы сейчас молодые сказали, что вы вообще не парились, вы ничего не боялись, вы вообще никому ничего не хотели доказать.

В. Г.: Нет.

З. С.: Вы как-то жили... нашли книжку, перевели... Как это было...

В. Г.: Пока книжку переводил, ты ее любишь. Я с ней больше времени проводил, чем с членами семьи. Это очень важно. Поэтому тогда хорошо было. Сейчас не так. Книжек нет хороших. Но они средние, есть средние...

З. С.: Но вы всё перевели просто, все хорошие книги.

В. Г.: Ну прямо, все!

З. С.: Но многие.

В. Г.: Да нет, ну не многие...

З. С.: Ну, сколько вы перевели книг?

В. Г.: Ну, много лет прошло.

З. С.: Вы считали количество книг, которые...

В. Г.: Нет, что я дурак, что ли? *(Смеется.)*

З. С.: А у вас есть где-то в квартире какая-то полка, где все ваши переводы стоят, или нет?

В. Г.: Есть, где экземпляры, по одному экземпляру. Но это не полка, а где-то там, в ящике спрятаны.

З. С.: А почему?

В. Г.: А почему? Я скажу, почему. Раньше надо было... Ты книжку перевел, ее издали, а потом захотят кто-то еще издать ее, переиздать. А у тебя должен быть экземпляр тогда. Это меня мать научила, что экземпляр надо хранить один.

З. С.: А зачем? Чтоб потом переиздали?

В. Г.: Нет, чтоб с него печатали следующий.

З. С.: Нет, но я не могу понять...

В. Г.: Сейчас это не нужно совершенно, потому что все в компьютерах, сам этот не нужно хранить. Но я по-прежнему по одному экземпляру оставляю.

З. С.: Да, но я не могу понять, почему у вас в квартире нет какой-то полки...

В. Г.: Есть она, только она закрытая и там навалено все.

З. С.: ...просто визуально, чтобы понять количество книг.

В. Г.: А зачем мне это надо?

З. С.: А вам это все равно, сколько вы перевели?

В. Г.: Нет, ну, я помню, что много перевел.

З. С.: Но вы не помните уже всех книг... условно говоря...

В. Г.: Нет, каждую могу вспомнить, когда мне... кроме самых последних.

З. С.: А вы помните сюжеты всех этих книг? Нет?

В. Г.: Первые? Тех, которые при советской власти были? Конечно помню. Но еще, Зоя, потом, не знаю, как это получилось, я, наверное, с десятью или одиннадцатью людьми перевел напололам.

З. С.: А почему?

В. Г.: Ну, когда большую книжку неохота одному делать, она не такая хорошая. Или тебе заказывают трилогию, вот мы ее пополам с Бабковым и перевели: один том он, один я, один пополам. А некоторые... Ну, неохота с этим сидеть год, и поэтому...

З. С.: А как вы выбираете? Это же должен быть переводчик такого же уровня, чтобы были единомышленниками, чтобы не спорили. Или такого нет? Каждый по куску переводит?

В. Г.: Нет, потом мы, когда есть время, мы, конечно, сводим. Ну, там с бывшей студенткой своей я перевел две или три книжки. Последнюю книжку тоже с бывшей студенткой, которую только летом кончил. Но она очень большая, и я буду возиться с ней там больше года. Это при нынешней... Потому что сейчас быстрее все происходит, чем... Больше года буду с ней возиться. А они покупают, издательство покупает, на сколько-то лет. Значит, я у них один год продажи отнимаю. Поэтому они не любят, чтобы...

(Перерыв в записи.)

З. С.: Скажите... да, я поняла, но перевод — это, вот, какая-то ваша жизнь, главная все-таки?

В. Г.: Была — да.

З. С.: А до какого момента была? Когда это стало то ли неинтересно, то ли сил уже не стало, то ли наступаютакие-то люди на первый...

В. Г.: Не стало, не стало. Просто при новой власти очень маленькие гонорары стали. То, что книг издают очень много, тираж маленький: там три-пять тысяч. А раньше сто тысяч был, и было, из чего платить деньги, а сейчас им просто не из чего платить много денег.

З. С.: Потом очень плохое качество перевода, потому что очень быстро переводят.

В. Г.: Ну, кто-то быстро переводит, да.

З. С.: Нет, ну просто, если они мало денег платят, то люди стараются как можно быстрее переводить, чтобы вал шел, чтобы денег было больше. В этом смысл-то. Ругают, например, издательство, «Корпус», по-моему, что они очень мало платят денег и что у них плохое качество переводов.

В. Г.: Ну, «Корпус» еще какое-то такое с гонором издательство.

З. С.: А вы вот именно из-за того, что стали мало платить и невыгодно стало работать? Потому что это же очень много времени нужно на перевод?

В. Г.: Нет, нет, Зоя, это вопрос не выгоды, это уже такая наркозависимость, ну вот как у алкоголика...



Я вон не перевожу сейчас сколько, наверное, с декабря, и это очень мучительно.

З. С.: А почему? Потому что нечего?

В. Г.: Нет, они предлагают книжки...

З. С.: Неинтересные, да?

В. Г.: Нет, ничего, но мне неохота их переводить, не такие хорошие. Ну, уже таких там гениев нет, как Фолкнер, но все равно есть более приличные и менее приличные. И это очень тяжело, потому что... У тебя такой режим, что ты все время переводишь, а заработок этот, который... ты преподаешь, — это заработок.

З. С.: А вы много преподаете сейчас?

В. Г.: Ну как, у меня группа в Литинституте. Иногда левые какие-то бывают уроки. А там, поскольку я уже старый, а это ты на пять лет заряжаешься, то есть ты их выпускаешь, я не знаю, что будет, поэтому я в этом году уже пополам.

З. С.: С другим преподавателем, да?

В. Г.: С другой, с бывшей студенткой своей двадцатилетней давности.

З. С.: А скажите, Мик, а неужели можно научить переводу? Неужели это не какое-то такое... призвание что ли, какое-то... талант? Неужели можно научить переводу?

В. Г.: Ну да... Нет, ну, способности, конечно, природные должны быть, ну, способность переселиться в другой мир там или достаточный какой-то языковой у тебя опыт есть. Но в принципе, научить можно, да, тех, кого можно, а кого нельзя, тех нельзя. Но какие-то люди вот выходили, которые потом становились переводчиками. Научить можно, да.

З. С.: А вот вообще ваша жизнь... У вас получается довольно длинная жизнь, восемьдесят пять будет лет, да?

В. Г.: Четыре пока.

З. С.: Ну, будет.

В. Г.: Ну, будет или не будет — неизвестно.

З. С.: Ну ладно! Осталось там две недели.

В. Г.: Ну, все может быть!

З. С.: Нет, но смотрите, но... Но такое ощущение, что вы как бы жили без времени, вот неважно: советская власть, грубо говоря там брежневское, ельцинское, путинское... Вы как-то живете просто... не то, что вы... Я не хочу сказать, что вы живете, не замечая, что происходит, но просто у вас такая внутренняя жизнь, она как бы не зависит от власти. Так? Правильно я понимаю или нет?

В. Г.: Нет, я думаю, что зависит. Еще вы забыли, я при Сталине тоже жил. Не то, что Брежневу, конечно.

З. С.: Ну как? При Сталине вы жили недолго.

В. Г.: Ну да, недолго!

З. С.: С 37-го по...

В. Г.: Шестнадцать лет, шестнадцать лет, по-моему.

З. С.: Нет, а как она зависит от власти? Вы же совершенно самодостаточный и органичный человек, у меня такое ощущение, без комплексов.

В. Г.: Нет, ну, зависит.



Настроение, оно где-то сидит там, не то, что ты про это все время думаешь, какая лажа происходит. Ну конечно, где-то сидит, что ты... ты не можешь не реагировать на это. Но это скорее такое атмосферное дело.

З. С.: Нет, но вы же... При этом у вас была куча друзей — диссидентов, я не знаю там... вот мои родители занимались какой-то там деятельностью...

В. Г.: Потом занялись, они тоже не сразу диссидентами...

З. С.: Не сразу, но все-таки их посадили в какой-то момент.

В. Г.: По очереди. Папаша, по-моему, заревновал, когда мать посадили, заревновал и решил тоже сесть, у меня такое точное, твердое ощущение.

З. С.: Это я помню ваше такое мнение. Ну, хорошо...

В. Г.: Ему завидно стало, что она герой, а он еще нет...

З. С.: Хорошо.

В. Г.: Это неправда?

З. С.: Нет, наверное. Не знаю, я же не лезла ему в душу, не могу сказать.

В. Г.: Ну, я тоже не лез совсем уж.

З. С.: Я не могу сказать, но просто так получилось.

В. Г.: Он нарываться стал, да, очень сильно.

З. С.: Нет, не то что стал нарываться, просто посчитали, что... она издавала «Надежду»...

В. Г.: Да, я помню.

З. С.: ...вот эту... религиозную, а потом, когда ее посадили, эта «Надежда» стала опять выходить, и они решили, что это он ее издает, а издавал ее священник Шибяев, отец Владимир. А его посадили. А уж если тебя посадили, обратно тебя нельзя выпустить. Поэтому они дальше... убрали это обвинение, а оставили просто какие-то письма в защиту того, сего. Так вот и посадили его на год и пять лет ссылки. Но потом Горбачев всех освободил. Нет, а мой вопрос был такой. Что вы жили, была куча знакомых, писателей, там, я не знаю...

В. Г.: Нет, писателей не очень много.

З. С.: Ну, какой-то... интеллигентов, художников, много всяких... но...

В. Г.: Вообще, у меня не очень много знакомых, довольно изолированной жизнью я жил.

З. С.: Изолированной?

В. Г.: В контору не ходил. Нет, ну, когда я ходил там в институт, там были знакомые, да. В одной лаборатории, там нас тринадцать человек в одной комнате сидело.

З. С.: Вы вообще не такой общительный?

В. Г.: Нет, не очень.

З. С.: Одиночка скорее, да?

В. Г.: Ну, я не знаю, я себя не оценивал, но вот так чтоб очень много общаться — нет.

З. С.: Я помню, что в компании вы сидите, вы, в основном, молчите.

В. Г.: Да. Да, это Оттен говорил, когда я к ним приходил: «Пришел болтун Голышев». *(Усмехаются.)*



А чего мне сказать? Я ничего умного не могу сказать, чего буду рот раскрывать?

З. С.: Нет, но вы все время думаете что-то свое.

В. Г.: Нет, Зоя, это видимость одна. *(Усмехается.)*

З. С.: Да? Но подождите, я к чему... я все время никак не могу задать этот вопрос, что вы как бы... у вас жизнькакая-то... ужасно большая, сильная внутренняя жизнь, поэтому... Например, вы ж не ходили на митинги, там, я не знаю...

В. Г.: Не-а.

З. С.: И вас не могли посадить в тюрьму, потому что вы как-то ни в чем таком не участвовали. Но вам это было просто неинтересно?

В. Г.: Не-а. Нет, я вообще толпу не переносу. Я до сих пор помню одну картину. Я ехал на работу и в метро спускаюсь на эскалаторе, и вдруг передо мной люди все начинают прыгать на идущем вниз эскалаторе. Я ничего не понимаю, чего они вдруг все начинают прыгать. А это какая-то бабка или тетка, у нее упала сумка там, на гребешке эскалатора, и рассыпались вещи, и она их собирает. А люди всё прибывают и прибывают. Я думаю: можно выкинуться на фанеру рядом. Ну, вот это я до сих пор помню. Нет, я толпы очень боюсь, просто боюсь толпы.

З. С.: У вас же никогда не бывает депрессий, правда?

В. Г.: По-моему, постоянно жизнь в ней.

З. С.: Но вы же все время можете пойти и что-то такое перевести.

В. Г.: Нет, вот я сейчас не могу пойти и перевести, потому что мне нечего переводить.

З. С.: Ну, сейчас понятно, но до этого-то...

В. Г.: Даже прочесть уже не могу.

З. С.: Нет, ну хорошо, это сейчас, а до этого. Все время вы могли уйти в какую-то внутреннюю, как говорили, внутреннюю эмиграцию. А у вас эта эмиграция была в плане ваших переводов, правильно я поняла или нет?

В. Г.: Но я не считал, что это эмиграция.

З. С.: А что это? Ну, погружение какое-то туда.

В. Г.: Ну, это работа, как у всех, но только одни ходят с девяти до шести, как я ходил, а другие просто дома то же самое, но это то же самое, только как бы... все равно ты служащий.

З. С.: Это служащий, но вы служили чему?

В. Г.: Себе. *(Усмехается.)*

З. С.: Но это служение... эти же книги, это же вы открывали... всегда говорят, что переводчики, они открывают...

В. Г.: Кое-кого я по первому разу переводил, да, довольно много народу, и со всеми было трудно, потому что когда там известный человек, они его напечатают, а про нового очень тяжело было. Каждый раз... каждая книжка со скрипом проходила. Иногда договор не дают. Я помню, как там... Ну, я говорил, наверное, что, когда Стайрона переводил, толстые романы, три года я с этим возился, а на полутора годах он сказал, что он не любит коммунизм или ненавидит коммунизм. Тут же какие-то литераторы пришли в издательство, сказали, чего он сказал...

З. С.: Интервью какое-то дал?

В. Г.: Да, что он ненавидит коммунизм. А еще тогда не было этого, нынешней власти. И когда они мне позвонили, говорят: «Ну, вы перестанете переводить? — я говорю: «Да я уж полкнижки перевел, куда мне, к черту... Полтора года сидишь, да? Но я так рассчитал, что это забудется. Ну, оно и забылось. Нет, хотя потом заведующий редакцией очень хотел, чтобы я опоздал со сроком и можно было договор расторгнуть. Ну, они же за свои места как бы...

З. С.: Ну понятно. Мика, последнее, скажите, просто я хотела спросить... Ну, неправильный вопрос будет... Не то, что вы гордитесь, вы... Вам доставляло удовольствие, когда к вам приходит эта книжка, когда она из издательства приходит, из типографии, и вы видите, что вы ее... Вы столько лет переводили, и вы ж не только из-за денег переводили, а потому что вы не могли другую жизнь жить без этого... это же стало вашей жизнью, правда? Вы же сами говорите: «Сейчас я не перевожу, мне скучно жить и неинтересно, потому что все книжки кончились». А вот вы, когда видели эту книжку, это счастье было ее держать в руках?

В. Г.: Ну как, сначала радовался, а потом как-то... нет, я их не читаю потом, всё, нет-нет...

З. С.: Вы не перечитываете свои переводы?

В. Г.: Нет. Боже упаси!

З. С.: Никогда?

В. Г.: Нет, иногда там заглядывал, если честно сказать, пару раз заглядывал. Нет, не перечитываю.

З. С.: А кроме переводов своих, вы читали книги другие?

В. Г.: Конечно, читал, да.

З. С.: А дети ваши, например, они читают ваши переводы?

В. Г.: Нет.

З. С.: Не читают?

В. Г.: Нет, ну, Андрей что-то читал, одну—две книжки.

З. С.: Нет, но вы не говорили: «Смотри, вот прочитай Фолкнера»...

В. Г.: Нет-нет-нет. Я не знаю даже, читал он или нет. Лялька-то точно не читает ничего, она не по этому делу.

З. С.: А вам не жалко, не обидно?

В. Г.: Нет, не обидно совершенно.

З. С.: Но я просто помню, что мой папа, он мне всегда говорил, какие книжки читать. Вот он мне составлял список. Ну конечно, своих любимых. Вот у него был Диккенс «Тайна Эдвина Друда», «Граф Монте Кристо», Фолкнер. Потом вот мои дети, его внуки, они тоже вот мой сын Филипп, который вас очень любит и всегда... Я сказала, что будет интервью, вот он: «Мика, Мика», — просто... Вот Мика, который переводил Фолкнера, вот, потому что дедушка рассказывал, и вот он как-то учил нас этому, что нужно читать. А вы так нет, вы своим никогда не говорите?

В. Г.: Нет-нет. Лялька, вообще не читает, она может слушать, как-то у нее... Это многие, они, с телефончиками люди, они многие уже перестали читать. Андрей читает, но ужасно медленно.



Из личного архива Виктора Гольшева

З. С.: А вам не жалко, что вы всю жизнь переводили, а дети даже ваши...

В. Г.: Нет. Нет, а чего? Я напечатал... Мне важно, чтобы тамкакое-то количество напечатали, а мне гонорар заплатили. Кто это читать будет? Никто? Мне это все равно совершенно.

З. С.: А «Гарри Поттера» тоже вы переводили, какого-то, одного из каких-то?..

В. Г.: Одного из «Гарри Поттеров», какого-то там шестого, седьмого, не помню, втроем мы переводили.

З. С.: Но это только чисто для денег?

В. Г.: Да, это были другие деньги, потому что там миллионный тираж, и мой приятель, Володя Бабков, с которым мы втроем там переводили, он на эти деньги отремонтировал ванную. А так фиг отремонтируешь ванную (*со смехом*).

З. С.: Мик, но все равно, вы хотите все время... Вот я задаю такие пафосные вопросы, а вы все время их снижаете, и получается...

В. Г.: Это не нарочно, это естественно.



Я потому никакого пафоса в этом занятии не чувствую. Ну, каждый занимается своим делом.

З. С.: Но вы не жалеете, что вы выбрали себе такую стезю, переводческую?

В. Г.: Нет, я бы жалел, если бы я в науке остался, потому что... Там история такая, что я попал лабораторию, которая на самом деле была выдохшаяся уже. Там новых идей не было, и... Можно было какую-то диссертацию придумать себе, но я знал, что это будет туфта.

З. С.: Но переводческое ваше дело — это получается, что вы к нему относитесь как к ремеслу.

В. Г.: Да.

З. С.: Это ремесло, но оно при этом творит чудеса, потому что из ремесла получаются книги, люди читают, они много узнают, они не так, как вы, относятся к этому. А вы, как ремесленник, делаете...

В. Г.: Да, да.

З. С.: ...а люди... а люди какие-то чудеса получают. Вы об этом думали?

В. Г.: Нет, я никогда не думал, я думал, что они чудеса получают уже от автора, а не от переводчика.

З. С.: То есть вы не считаете, что переводчик — он как бы тоже автор?

В. Г.: Нет.

З. С.: Это просто... ну, как сказать? Это транслятор.

В. Г.: Он послушный человек должен быть, я так считаю. Нет, я не такой.

З. С.: А вам не обидно, что вы все время, что вы сами не создаете как бы?

В. Г.: Зоя, я не художник, не композитор. Почему должно быть обидно? Ну, уродился такой. А там сочинять чего-то? При старом режиме было невозможно, я думаю, что я не способен просто к этому, и у меня терпения для этого нет. А чужое перевести можно было хорошее что-то.

З. С.: То есть у вас никакого тщеславия, честолюбия нет?

В. Г.: Ну наверное, есть честолюбие какое-то. Нет, ну, какое честолюбие? Стать начальником где-то?

З. С.: Нет, почему? Ну, все люди, которые что-то создают: писатели, журналисты, мы все радуемся, ну, как-то чувствуем, что вот надо же, как мы хорошо написали, а вы радуетесь: как я хорошо перевел? Или нет?

В. Г.: Вначале, может быть, одна-другая фраза нравилась, да. Нет-нет-нет, я про это не думаю. Ты переводишь, как можешь, не то что ты переводишь хорошо — как умеешь, так и переводишь, поэтому там упиваться особо нечем. Но ты стараешься, да, стараешься, и я довольно медленно это делаю, да. Мать это делала быстрее. У нее был порядок такой: она до того, как обед готовить, должна была там полторы страницы перевести.

З. С.: А у вас?

В. Г.: А у меня так не получается.

З. С.: То есть у вас нет режима, такого распорядка, что каждый день вы переводите там десять страниц и так далее?

В. Г.: Нет, нет.

З. С.: Нет. Это просто как пойдет?

В. Г.: Да. Нет, ну, так получается, что иногда ты можешь две страницы перевести, но, в принципе, у меня нормы нету, и нормы по времени нету. Сейчас, вообще... который сейчас перевод происходит... почему-то время раздергано. Пока был молодой, так, только женился, еще ребенка не было, ты мог как бы весь день этому... Ну, а сейчас то суп надо пойти погреть, то еще что-нибудь сделать.

З. С.: Понятно. Но сейчас самое большое удовольствие, если нет перевода, то что?

В. Г.: Никаких удовольствий нет.

З. С.: Нету? Телевизор или кино?

В. Г.: Телевизора у нас нету, давно уже.

З. С.: А театр?

В. Г.: Театр я не очень люблю, и редко чего там бывает, из-за чего стоит туда пойти. Что касается кина, то... нет. Иногда там какой-то фильм посмотреть по компьютеру, но это тоже... скорее, так просто от...

З. С.: Но что приносит какое-то удовлетворение, вообще что радует?

В. Г.: Ничего особенно не радует.

З. С.: Мик, но вы придумываете. Мне кажется, что вы очень счастливый человек, потому что вы столько всего успели сделать!

В. Г.: Ну нет, это не счастье, это нормальная работа. Я не думаю, что я счастливый человек или несчастный.

З. С.: Ну вот смотрите, я помню, что папа мой, когда он последнее слово в суде произносил, он так говорил: «Я прожил счастливую жизнь». А тогда ему было, считай, лет шестьдесят...

В. Г.: Шестьдесят, да.

З. С.: Может, меньше даже. А вы... вам сейчас восемьдесят пять почти, восемьдесят четыре с хвостиком, но вы тоже можете так сказать, правда?

В. Г.: Ну...

З. С.: Соберутся гости, вот, например, если всё...

В. Г.: Гостей у нас не бывает уже давно.

З. С.: Не бывает? Нет, ну, вы подождите, когда будет день рождения будет, когда будет юбилей...

В. Г.: А я его не справляю.

З. С.: Вы не справляете? А вы не любите свой день рождения?

В. Г.: Нет.

З. С.: А, а я люблю очень. Поэтому мне непонятно, если кто-то не любит.

В. Г.: Да я не... я думаю, что где-то лет сорок я его не справляю. Да и раньше я не очень-то справлял. Наоборот, это огорчение.

З. С.: Почему?

В. Г.: Ты на год старше стал, чего там, ближе к могиле.

З. С.: Ладно, хорошо, Мик, спасибо. Я думаю, все равно вы лукавите, потому что про себя, наверное, все равно знаете, что жизнь удалась вообще-то.

В. Г.: Нет, я про это точно не думаю. Она получается такая, какую ты заслуживаешь, ничего особенного, ничего особенного. Ну, просто я более-менее делал то, что хотел. Вот единственное что.

З. С.: То есть вы... делали... вот именно, мы сейчас нашли...

В. Г.: Я не хотел инженером быть, ну и не стал.

З. С.: То есть вы... Очень часто люди в жизни делают не то, что хотят, а то, что должны. А у вас такого нет?

В. Г.: Нет.

З. С.: Поэтому я и нащупываю, что вы делали всегда практически все, что хотели. Грубо говоря, вы не делали то, что надо было, то, что от вас требовали. Вам повезло в этом смысле.

В. Г.: Ну да.



Мне повезло, терпели люди рядом. Не, а чего такого? Ну, один хочет быть инженером, другой не хочет. Ну, в общем, я не хотел быть инженером и не стал им.

З. С.: Нет, ну, вам повезло, потому что вы свободный человек, вы что хотели, то и делали — вот в чем проблема.

В. Г.: Ну, более или менее, да.

З. С.: Я думаю, в этом... в этом, мне кажется, проблема. Не проблема, а в этом как раз ваша суть, что вы человек очень свободный.

В. Г.: Я этого не чувствую. Мне кто-то говорил, а Галя Арбузова сказала: «Вы самый несвободный человек из всех, кого я знаю». Вот пойдй пойми. *(Усмехается.)*

З. С.: Не знаю, я с ней не согласна. Мне кажется, что я... Вот я смотрю на вас и думаю, что такая внутренняя свобода, в принципе, была, вот, у моего мужа, у Вити, он тоже был очень свободный. Но он в жизни делал много все-таки того, что он не хотел. Он тоже также уходил. Когда его вот так уже доставало, он тогда уходил. Это такой тип человека. Это редкое качество. Вот, ну, ладно...

В. Г.: Не, я очень свободный, сейчас мне это стыдно, Феликс мне дал что-то первое свое читать, я сказал: «Не понравилось».

З. С.: Вы никогда не ввали, в этом смысле.

В. Г.: Второй раз дал читать — опять не понравилось. Он говорит: «Ну я когда-нибудь напишу так, чтобы тебе понравилось». Чего он не обиделся, я не знаю *(Усмехается.)* Я говорю: «Нет <нрзб>».

З. С.: Обычно люди, когда друзья дают почитать, говорят: «Ну да, старичок, ну неплохо». А вы прямо так: «Нет, старичок, не нравится».

В. Г.: Но почему-то мне с ним легко было так говорить. То ли он не обижался, я не знаю.

З. С.: Вы же и Бродскому говорили, вы говорили... Вы сказали, что вы и Бродскому сказали...

В. Г.: Потом я поумнел и уже так никогда не скажу никому. Ну, Бродскому... Ну, да, вот я не знаю, как это произошло.

З. С.: Но потом вы же...

В. Г.: Нет, потом наоборот, я его стишки полюбил сильно.

З. С.: Вы полюбили и поэтому говорили, что любите, потому что вы вправду полюбили. А если бы не полюбили, сказали бы, что...

В. Г.: Но то, что любил, я ему не говорил.

З. С.: Вы просто ничего не говорили.

В. Г.: Ну, как бы ясно, да, всё, да. Нет, а это помимо продукта ты к человеку относишься. Он замечательный человек был совершенно.

З. С.: Нет, ну, понятно, вы же с ним дружили, это же был ваш друг, не потому что он поэт Бродский, лауреат Нобелевский премии.

В. Г. *(усмехается)*: Он еще не был лауреатом.

З. С.: Еще не был, да. Просто потому, что он был ваш друг.

В. Г.: Ну вот, так я его любил, да.

З. С.: Ну да. Хорошо, Мик, спасибо, неверное, у нас уже... мне кажется, мы уже все обсудили, да, мы вас уже замучили.

В. Г.: Нет. Наоборот.

З. С.: Это было нестрашно.

В. Г.: Совершенно не страшно. Я думаю, Зой, там материала мало.

Е. Д.: Очень хорошо.

З. С.: Мне кажется, интересно.

Е. Д.: Очень интересно.

З. С.: Мне всегда было про перевод... Я же тоже, я же училась на... я же иняз кончала, но я у Лили Лунгиной была в семинаре. У нее был такой небольшой семинар, французский у меня язык. Но... я не умею переводить. Я могу переводить устно. Вот это я люблю, такой быстрый перевод, синхронный или последовательный, а книжки... У меня нет таланта, это все-таки... А потом, знаете что?

В. Г.: Это не талант, это было просто желание.

З. С.: Нет, а потом вы сказали одну вещь, важную, что вы ничего не придумываете. А я, вот, когда переводила какие-то рассказы тоже, я иногда домысливала.

В. Г.: Да?

З. С.: Мне, вот, нравилось чего-то такое придумать и всё. А мне говорили: «Нет, так нельзя, нужно, чтобы это было очень точно, как у автора». А мне скучно. Мне скучно вот как он, как этот автор, мне хочется самой чего-то.

В. Г.: А, вот просто мне с ними везло, при советской власти. При нынешней власти уже не так, просто они...

З. С.: Кончились уже.

В. Г.: Нет, но в каждой литературе рассвет, наверное, есть, я так думаю. Там у нас, наверно, все-таки XIX век главный был, чем XX-й, хотя очень много способных людей, но они не стали мировыми писателями. Ну, там, какой-нибудь Артем Веселый, Платонов. Платонов непереволим почти, то есть он переволим, но его никто не понимает. А там Толстого — знают все, или, там, Чехова — знают все, даже... особенно Достоевского зачем-то знают все.

З. С.: Также и в американской.

В. Г.: В американской между войнами колоссальные люди были, после войны поколение чуть послабее уже, тамкакие-то, там Стайрон, Миллер, Труман Капоте, они не такие великие, но тоже замечательные. А сейчас, по-моему, еще хуже стало. Все проходит, да.

З. С.: Но, может быть, это нам сейчас так кажется? Со временем, может... Нет?

В. Г.: Нет.

З. С. Они помельчали просто, да?

В. Г.: Я думаю, что да... Как-то... не помельчали, но... Не знаю, очень много, по-моему... эти люди не были преподавателями все, вот Хемингуэйи всякие, да. Один там рыбу ловил, другой по пьянке охотился. А сейчас они, по-моему, преподают все, очень многие, кроме тех, кто заработал миллион там, они не должны.

З. С.: Да. Но писатель — в принципе, это же очень невыгодная работа, за нее мало платят.

Е. Д.: Все, выключаю?

В. Г.: Да, спокойно можно.

З. С.: А вы записали это тоже?

Е. Д.: Да. А что, это хорошо.